

Бессонов П.А., Крижанич Юрий

**Русское государство в
половине XVII века**

**Рукопись времен царя Алексея
Михайловича**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б53

Б53 **Бессонов П.А.**
Русское государство в половине XVII века: Рукопись времен царя Алексея Михайловича / Бессонов П.А., Крижанич Юрий – М.: Книга по Требованию, 2013. – 638 с.

ISBN 978-5-517-84290-9

ISBN 978-5-517-84290-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мы начинаемъ изданіе, помѣщая въ Р. Бесѣдѣ первую часть (дѣль) сочиненія, въ четырехъ ея главахъ (раздѣлахъ). Но въ рукописи предшествуетъ тому предисловіе, или, какъ называется самъ авторъ, *предговоріе*: здѣсь бросаетъ онъ общій взглядъ на весь трудъ и дѣлитъ его на части. Къ сожалѣнію, все это не такъ любопытно и важно: изложенныя общія мѣста и изреченія повторяются послѣ въ самомъ текстѣ, въ связи болѣе живой и наглядной; а дѣленіе частей не совсѣмъ точно и ясно, притомъ значительно видоизмѣнено въ развитіи самого сочиненія. Потому мы опускаемъ здѣсь предисловіе: оно почти ничего не прибавило бы къ свѣдѣніямъ читателя.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рукопись, съ которой печатается подлежащій текстъ историческаго памятника, къ сожалѣнію укрывалась доселѣ отъ вниманія ученыхъ, быть можетъ не одинъ разъ пробѣгавшихъ страницы ея бѣглымъ взоромъ; укрывалась вѣроятно потому, что писана латинскими буквами и въ началѣ ея помѣщенъ на латинскомъ языкѣ малозначущій отрывокъ, по которому судили обо всемъ сочиненіи. Особеннымъ счастіемъ, тотъ, кто открылъ рукопись свѣту и сдѣлался нынѣ ея издателемъ, остановился съ филологической точностію на мелькнувшихъ предъ его глазами разнородныхъ статьяхъ, говорившихъ по латыни о русскомъ народѣ, на латинскихъ писменахъ, подъ коими скрывалась русская рѣчь. Не мало потребовалось труда, чтобы разобрать уродливыя строки и выискнуть въ ихъ содержаніе: плодомъ труда было открытіе драгоцѣннѣйшаго памятника русской старины XVII вѣка.

Достоинство памятника, проливающего яркій свѣтъ на тысячи разнообразныхъ сторонъ такой эпохи, какова эпоха царствованія Алексѣя Михайловича; важность показаній, переданныхъ современникомъ и дѣятельнымъ участникомъ эпохи, его личный взглядъ, складъ ума, образованность сужденія, какъ выразительное мѣрило тогдашней степени просвѣщенія: всѣ эти качества и свойства конечно будутъ взвѣшены и какъ должно оцѣнены всѣми истинными любителями русской исторіи. Потому, послѣ уединенной обработки изданія, передавая общее пріобрѣтеніе всему русскому обществу, издатель желалъ бы остаться въ сторонѣ, дабы преждевременными сужденіями и замѣтками не нарушить свѣжести впечатлѣнія, ожидающаго читателей, не развлечь

II

цѣльности воззрѣнія, которое сложится въ умахъ по прочтеніи, не слишкомъ разшевелить, или, еще хуже, пригнупить ихъ законное любопытство. Онъ желалъ бы устоять, по крайности на первое время, свидѣтелемъ, но не участникомъ выводовъ, тѣмъ болѣе, что показанія памятника даютъ обильнѣйшую пищу самымъ разнообразнымъ, даже противоположнымъ, воззрѣніямъ на русскую старину вообще и на эпоху изображенную въ частности. Но, по естественной и ближайше-родственной связи съ тѣмъ, что такъ долго и одиноко лежало на сердцѣ прежде, тѣмъ сдѣлалось общимъ достояніемъ, провозжая издаваемую рукопись на пути ея въ свѣтъ, издатель не смѣетъ отказать себѣ въ правѣ—сопровождать самихъ читателей по длиннымъ переходамъ открывающихся имъ образовъ и явленій, сопровождать не молчаливо, но словомъ, успѣвшимъ созрѣть при чтеніи сочиненія полмаго, при его медленномъ и самомъ внимательномъ изученіи. Для тѣхъ, кому долго еще дожидаться конца всего длиннаго ряда картинъ; кто не будетъ терпѣливо останавливаться на постепенномъ развитіи частныхъ, или, у кого готова будетъ при самомъ началѣ сорваться невольная рѣчь восторга или осужденія, рѣчь, своею поспѣшностію невольно оскорбительная для цѣльной галлерей, для живописавшаго и живописуемаго: для тѣхъ, можетъ быть, краткое слово сопровождающаго спутника, чуждое притязаній на руководство и полное искренняго желанія подѣлиться истиною, будетъ не лишне, по крайности до той минуты, когда, пройдя весь рядъ отпечатанныхъ главъ и простившись съ проводникомъ, читатель останется одинъ самъ съ собою, съ своимъ впечатлѣніемъ, съ своимъ сложившимся воззрѣніемъ, готовый къ самобытному труду историческихъ выводовъ и соображеній.

Въ эпоху, которой принадлежалъ сочинитель рукописи и о которой идетъ у насъ рѣчь, крайнимъ предѣломъ времени, тѣмъ горизонтомъ, куда только обращались и достигали живыя воспоминанія народа, было царствованіе Ивана IV-го. Для современниковъ Алексѣя Михайловича, по яркости образовъ, запавшихъ глубоко въ народную память, оно было тоже, что для насъ время Екатерины II-й и вообще конецъ XVІІІ

III

вѣка, время, еще столь живое въ расказахъ умирающихъ стариковъ, и вмѣстѣ крайнее, послѣднее, замирающее въ памяти и на языкѣ современной намъ жизни. Какъ новыя начала, вдавленные въ организмъ русской жизни могучею рукою Петра 1-го, выразились всѣмъ положительнымъ своимъ содержаніемъ, всѣмъ, что было въ нихъ плодovitаго, въ явленіяхъ Екатерининской эпохи: такъ точно, всѣ существенныя начала русской жизни, все, что она съ первыхъ дѣтъ положительно вырабатывала для полноты человѣческой исторіи, все обозначилось ясно, повѣстиво себя ощутительными явленіями въ эпоху Ивана. Образъ, въ которомъ имѣла предстать Русь, при выходѣ изъ домашняго воспитанія въ семью другихъ европейскихъ народовъ, изъ замкнутого круга внутреннихъ оборотовъ силы на широкое поприще всемірной дѣятельности, — былъ уже готовъ во всѣхъ, кое-гдѣ блѣдныхъ, мѣстами рѣзкихъ, но во всякомъ случаѣ главныхъ чертахъ своихъ. И здѣсь же впервые выразились выпукло темныя стороны русской жизни, стороны отрицательныя, ея какивъ, какъ неминуемый, хотя и не желанный слѣдъ кипучихъ силъ молодости, ея зло, какъ неизбѣжный спутникъ развитія; и никогда еще прежде не выдавалась такъ ярко эта, сконившаяся вѣками, величина отрицательная, громко вызывавшая на рѣшительный бой, на кризисъ зрѣлаго возраста. Та и другая, положительная и отрицательная сторона, добро и зло, готовы были побѣдить или умереть, но во всякомъ случаѣ борьбою преобразовать жизнь, и допустить дальнѣйшій ходъ русской исторіи только подъ условіемъ преображенія. Задачу неотразимую принялъ на себя, сосредоточилъ и едва не потопилъ въ своей личности Иванъ Грозный. Въ его дѣйствіяхъ слѣдуютъ вныте только стремленіе къ политическимъ, общественнымъ преобразованіямъ и переворотамъ; другіе видятъ только разгулъ необузданной въ страстяхъ своихъ, хотя и державной, личности. То и другое дѣйствительно бросается порознь въ глаза каждому: но не въ томъ или другомъ лежитъ особенность этого типа. Полнота его слила въ себѣ неразрывно обѣ стороны: все политическое отрывалось отъ своего законнаго поприща, отъ жизненныхъ соковъ цѣльнаго народа, и претворялось въ ма-

IV

повеніе личности, безспорно воспріимчивой и широкой по натурѣ, но распущенной въ нравственной порчѣ, личности самовластной, какъ будто даже самоопредѣляющейся, но при всемъ томъ узкой, не возможшей отрѣшиться отъ мелкаго себялюбія; съ другой стороны, все личное въ этомъ типѣ имѣло притязаніе выдать себя за политическое, прикрыться государственнымъ и общественнымъ, связать себя съ народнымъ, и—неизбѣжно впадало на этомъ пути въ ложь и лицемеріе; то, что хотѣло притвориться народнымъ образомъ, становилось только страшной и безобразной личиной; правильность очерковъ, живая игра фizioноміи замѣнялась кривляньемъ. То былъ *вълчаный тигръ*: *тигръ*, какъ грозная сила, карающая собою все зло, закраившая въ жизнь народа при вѣковомъ его развитіи; *вълчаный*, какъ возведенный отъ разбросанной жизни въ высшую сферу политической дѣятельности, въ государственную форму; и, за всемъ тѣмъ, *тигръ*, какъ страсть, со всей узкостію личнаго разгула, не только карающая, но и сама собой караемая; *вълчаный*—крайностію необузданныхъ движеній прихоти. Еще болѣе: государственный и личный типъ Ивана IV-го, въ своей цѣльности, былъ до извѣстной мѣры выраженіемъ самой эпохи, современной Руси; но не тѣмъ образомъ, который имѣлъ жить въ дальнѣйшихъ судьбахъ русской исторіи, не тѣмъ преобразившимся существомъ, которое имѣло выйти изъ борьбы преобразованія къ новой преобразившейся жизни: въ немъ народное добро и зло, положительныя и отрицательныя начала, были взяты въ самой крайности столкновенія, въ самомъ разгарѣ борьбы, еще не зрѣвшей благаго исхода. И въ борьбѣ этой, не подъ силу одинокому лицу, естественно старала и сгорѣла, истлѣла несомнѣнно высокая личность, безслѣдно потухшая вулканомъ, залитая собственно лавою, глубоко ниспадшая собственной тяжестью. А народъ остался въ быту прежнемъ, народная русская жизнь пережила Ивана, съ тѣми же неудовлетворенными требованіями преобразованій. И то, что боролось въ типѣ грознаго государя, но, цѣликомъ завлеченное въ личные формы, не было выведено ни къ какимъ новымъ обществен-

жымъ плодамъ, то самое должно было вступить въ неминуемую борьбу, уже не на поприщѣ личныхъ, хотя и вѣнчанныхъ дѣйствій, а въ нѣдрахъ всего народа, въ немъ самомъ, вѣнчанномъ судьбою на подвигъ, неподсильный избраннымъ вѣнценосцамъ, въ его жизни бытовой, общественной, политической. Такая борьба настала въ первыхъ годахъ XVII вѣка, въ безгосударное время, когда на всемъ пространствѣ Руси, во всемъ широкомъ объемѣ жизни, виднѣ одинъ народъ, глазъ на глазъ съ самимъ собою, съ наследованнымъ и присущимъ добромъ и зломъ своей исторіи; бѣды извнѣ только подошли къ этому внутреннему перевороту, только сопутствовали ему, только протягивали руку поддержки, препятствія или разрушенія. Съ такимъ знаменательнымъ началомъ вступаемъ мы въ XVII вѣкъ, и хотя, боясь натяжки, не хотѣли бы эту эпоху вводить въ подробную параллель съ началомъ нашего вѣка, но сама послѣдовательность явленій сопоставила въ близкомъ соотвѣтствіи 812-й годъ съ 612-мъ. Какъ бы то ни было, но только въ обоихъ концахъ XVII вѣка, въ его началѣ и заключеніи, мы знаемъ страшныя потрясенія, въ массахъ цѣлаго народа: все здѣсь колеблется, все готово рухнуть невообразимо. И кто повѣритъ, чтобъ межъ такими крайнихъ предѣловъ протянулся столь безмятежный, ровный и покойный вѣкъ, какимъ считаемъ мы вѣкъ Михаила, Алексія, Феодора? Трудно повѣритъ, чтобъ это было такъ въ самомъ дѣлѣ; да оно и не было такъ, какъ бы намъ казалось. Перевороты въ концѣ XVII вѣка, запечатлѣнные какой-то роковой неизбежностію, убѣждаютъ насъ несомнѣнно, что и середина его не наслаждалась вождѣннымъ покоемъ, что и здѣсь шло па всѣхъ точкахъ броженіе, разрѣшившееся послѣдующими ударами. Повтореніе всеобщихъ смуть въ концѣ вѣка невольно возбуждаетъ мысль, что смуты въ его началѣ—не закончили борьбы, не вывели народъ къ тѣмъ плодамъ, какихъ ожидала отъ ней исторія. И точно, буря первыхъ шестисотыхъ годовъ не разрѣшилась яснымъ вѣдромъ; она стихла какой-то мглою, въ которой продолжали сновать тѣ же, прежнія, разрѣдающія стихіи; слеглась осадкой, въ которой на глубокомъ днѣ шевелилось прежнее броженіе. На-

VI

родъ, совершившій великое дѣло спасенія земли, добровольно сошелъ съ передняго плана, временно занятаго, въ прежнюю глубь, мало намъ известную изъ официальныхъ показаній возстановленнаго государства. Спасеніе, согласно коренному смыслу слова, въ общихъ чертахъ своихъ осталось спасеніемъ, то есть сбереженіемъ остатковъ былого, со всѣми прежними составными частями. То не былъ плодъ преобразованій, тутъ не было преображенія: удѣляли тѣже потребности борьбы добра и зла, только борьба десницею всего народа исторгнута была изъ личнаго мятежа Ивановой эпохи, изъ смятеннаго вращенія всѣхъ началъ, разбродившихся въ междоусобицѣ, на мирный путь прежняго поступанія. Но первые шаги по этому пути указываютъ уже тотчасъ, что идутъ изъ прежнихъ неотмѣнимыхъ требованій и ведутъ къ неизбѣжнымъ преобразованіямъ. Царствованіе Михаила, смягчая горечь и врачуя раны минувшей тревожной эпохи, заготовляетъ только силы для шестивія къ прежней, намѣченной и еще не достигнутой, цѣли. Царствованіе Алексія... Но здѣсь развертывается передъ нами рукопись, съ обильными и яркими красками эпохи.

Массы народа, вызываемыя по временамъ къ общему дѣлу земскаго собора, слишкомъ парализованы заботливостью головъ, подрадившихся за нихъ думать и засѣдать въ думѣ; возвращаясь домой, къ очагу, онѣ, какъ видится, не уносили съ собора и не вносили въ обиходъ ежедневной жизни началъ преобразующихъ; спокойствіе ихъ переходитъ въ безпечность, всѣмъ Славянамъ хорошо знакомую лѣность. Жить имъ было далеко не худо, и неизмѣримо лучше, чѣмъ съ XVIII вѣка: сносность жизни легко довольствовала простодушнаго тѣмъ, что велось по пошлѣнью и какъ пошло изстари. Не видно улучшеній въ земледѣльческомъ быту, нѣтъ смѣлой предпримчивости въ торговлѣ; не только нѣтъ дальнѣйшаго развитія, но нѣтъ и укрѣпленія исконныхъ общинныхъ правъ, ихъ огражденія противу близкой опасности; нѣтъ народныхъ училищъ, какъ оплотовъ и убѣжищъ, гдѣ могли бы устоять и сберечься основы древняго самобытнаго образованія. А между тѣмъ, волненіе давнишнихъ, разнообразныхъ вопросовъ, не встрѣчавшихъ отвѣта, не стихаетъ;

оно достигает даже высшей сферы духа, области вѣры: и тѣмъ хуже, что отвлекаясь отъ наглядныхъ вопросовъ жизни гражданской, вбирая ихъ въ себя, претворяетъ все въ дѣло вѣры; тѣмъ хуже, ибо гдѣ подъ званіями вѣры трактуются отношенія гражданскія, какъ напр. вопросъ о текстѣ книгъ, о правѣ разсуждать и говорить, о свободѣ слѣдовать любимому обычаю,—тамъ нѣтъ ни искренности и чистоты вѣры, ни самостоятельной постановки гражданского вопроса. Тамъ, на высотѣ холоднаго догмата, въ символической сферѣ мертвящей буквы, въ этой призрачной жизни, способна развернуться и развертывается только однообразная энергія — расколъ, какъ безсознательное отрицаніе существующаго порядка вещей, но безъ положительныхъ началъ, ведущихъ къ преобращенію жизни. Отсюда, съ этой вынужденной, отвлеченной высоты, зажигается борьба, но не та, которой должно было ожидать, не та борьба, какая сулила бы исходъ благотворный: близко раздаются громовыя рѣшенія 667 года, готовы пасть мученики упорства въ далекихъ стѣнахъ монастырскихъ. Схватка не сближаетъ, а только укрѣпляетъ разъединеніе. Не названная на языкѣ раскола именемъ собственнымъ, но понятная чутью закравшагося раздора, недовѣрчивость массъ къ государству растетъ часъ за часомъ; уже многіе готовы сказать: « объ насъ забыли тѣ, кому мы ввѣрили судьбу », но потупятся и не отвѣтятъ при вопросѣ: « за чѣмъ себя забыли сами, за чѣмъ, когда могли, за себя не говорили, не стояли? » Недовольство, не выражая себя явно, думаетъ отстоять самостоятельность протеста отчужденіемъ отъ жизни общественной, молчаливымъ упорствомъ и коснѣніемъ. Рычагъ всякаго движенія все болѣе и болѣе отходитъ въ руки высшей администраціи: она поднимается надъ народомъ, все тѣснѣе и тѣснѣе смыкаясь въ отдѣльный кружокъ дѣятелей, сговорившихся и спѣвшихся на одинъ ладъ. И когда спросимъ, гдѣ же, по крайности, плоды этой распорядительности, долженствовавшей разливаться сверху,—тогда въ отвѣтъ получаемъ грустныя, но убѣдительныя явленія XVIII-го вѣка. Огромныя полосы земли лежатъ пустырями; бѣдныя орудія вздираютъ поля для одного только насущнаго хлѣба; соль волокутъ на тач-

VIII

Какъ и тащагъ на хребтѣ; полосы рудъ лежатъ безъизвѣстно, и довольно, если ихъ станеть на ходячую монету; посѣвы льну, конопля и подобныхъ растений, не идутъ дальше домашнихъ нуждъ и грубой ткани, не шеделятъ внутренней промышленности. Еще не удовлетворены потребности первѣйшія, а растутъ уже новыя, не бывалыя, не знакомыя дѣдамъ, и часъ отъ часу прихотливѣй. Хотя бы помогла имъ торговля: но мало ей торжищъ, пути слишкомъ дурны и даже опасны, не смѣлъ оборотъ, мѣншой сбытъ запертъ ртвсюду; изъ старыхъ пристанищъ лишь Новгородъ и Псковъ, да при морѣ Архангельскъ ему были открыты; нѣтъ ссудной казны, ни прочихъ условій торговаго подъема. Торговцы изъ чужихъ странъ не ждутъ насъ на границахъ, не нажито правилъ ихъ притоку и стоку: безмѣрною тучей, толпой саранчи налетаютъ они, насѣдаютъ на землю, весь плодъ пожираютъ; у насъ же скупаютъ сырой матеріалъ, выдѣлываютъ сами и жмутъ насъ цѣнами; въ ихъ руки ушли обороты. Благовременно не возросшая съ корня довольствомъ, разливается сверху и вторгается до самаго дна непужная роскошь и прихоть: ее насыщаютъ и насыщая дразнить руки чужія, не наши. Наставшее, Богъ вѣсть откуда, время невѣдомыхъ дотола влеченій, питаемыхъ съ чужа, получаетъ для насъ характеръ соблазна; соблазну мы платимъ кровью и потомъ своей черной работы, а что чрезъ нее покупаемъ, все намъ иностранно. Иностранцы встаютъ для насъ карой, но мы поддаемся гнетущей ихъ силѣ невольно. Взгляните, вездѣ чужеземцы, и какъ они важны, какъ мощны собственнымъ нашимъ соблазномъ, невѣжествомъ нашимъ, нашей слабостью, лѣнностью, неловкостью рукъ: то въ гордыхъ посольскихъ рядахъ не ломаютъ и шапокъ предъ тѣмъ, что священно народу; здѣсь въ войскѣ вертятъ они нашихъ въ шеренги и мыкаютъ въ маршахъ; тамъ гуляютъ межъ нами, красуясь товаромъ, своимъ мастерствомъ, или гремя передъ носомъ у насъ же добытой казною, иль запасъ собиравъ для писквелей ѣдкихъ, для книгъ противъ Руса; развратны и буйны, отважны и наглы, они же смѣются простымъ нашимъ правамъ, пугливости, робкимъ приемамъ, готовности сдаться. И точно, было что